

Государственная Дума о восстании

Telegram adress:

@turkiston_kutubxonasi

Стенографический отчет Государственной Думы-Четвертый созыв. Сессия V, заседание шестнадцатое, вторник, 13 декабря 1916 года в закрытом заседании

Заседание возобновляется в 8 ч. 50 м. под председательством Председателя.

Председатель. Объявляю заседание Государственной Думы открытым. Угодно будет приступить к заявлению об обращении к председателю совета министров, к министрам военному, внутренних дел и юстиции в порядке ст. 133 Учр. Гос. Думы по поводу событий, имевших место в некоторых местностях Туркестанского и Степного генерал-губернаторства. Имеется несколько однородных запросов. Не угодно ли будет Государственной Думе соединить их в один и рассматривать совместно? (голоса: просим). Затем разрешите не оглашать их с кафедры, так как они напечатаны. Автор запроса предлагает признать его срочным. Срочность разрешается по выслушании двух ораторов за и двух против. Желающих говорить нет? Объявляю прения законченными. Ставлю на голосование вопрос: угодно ли Государственной Думе признать законопроект срочным? (Баллотировка). Принято. Угодно ли перейти к рассмотрению по существу? Возражений нет? (голоса: просим). Член Государственной Думы Керенский. Керенский¹⁾ (Саратовская губ.) Г.г. члены Государственной Думы. События, которые сегодня мы должны обсудить, произошли довольно много времени тому назад, но последствия их сказываются и до сих пор и они будут еще очень долго сказываться в жизни не только Туркестана и Степных областей, но и всей России. Сегодня я хотел бы, г. г., перед вами изложить объективно, по возможности по документам, все, что произошло в Туркестане и Степных областях, и думаю, что в этом вопросе, вопросе, касающемся далекой окраины, вопросе, касающемся политики нашего государства по отношению к инородцам в далекой Азии, едва ли между нами могут быть те сложные и многогранные разногласия, которые разделяют нас по многим или почти по всем вопросам государственной жизни России. События эти, г. г., не только внесли экономическое разрушение, не только нарушили спокойное течение жизни в огромных областях России, но они были соединены с жертвами как со стороны

¹⁾ Трудовая группа.

русского, так и туземного населения. Погибло несколько тысяч русского населения и много десятков тысяч туземного. Разобраться в причинах этих ужасных трагических событий, установить виновника этого происшествия и попытаться найти те корни, которые вызвали события в Туркестане, и предотвратить их в будущем,— вот задача, которую я себе ставлю. Вы помните, г. г., что 25 июня 1916 г. появилось высочайшее повеление, опубликованное 6 июля 1916 года в Собр. Узак. и Расп. Прав. № 182, и этим высочайшим повелением для работ по устройству оборонительных сооружений, военных сообщений в районе деятельности армии, призывалось мужское инородческое население империи в возрасте от 19 до 43 лет. Я утверждаю, г. г., что этого высочайшего повеления в порядке, каком оно было издано, издано быть не могло; я утверждаю, что самое высочайшее повеление нарушило основной закон Российской империи, 71 ст., говорящую о том, что русские подданные обязаны отбывать повинность, только согласно постановлению закона. В этом указе сделана ссылка на закон, о реквизиции, прошедшей по 87 ст., но эта ссылка совершенно неверна, да и самый закон, сам указ говорит, что нужно только определение возрастов и установление подробных правил выработать применительно к порядку закона о реквизиции. И действительно, если вы возьмете ст. 137, 138, 139 и следующие статьи закона о реквизиции по приказу 1914 г. по военному ведомству, то вы увидите, что правила о реквизиции не предвидят того казуса, или того явления, которое было вызвано указом от 25 июня. Правила о реквизиции предоставляют командующим войсками и местным начальникам армии призывать в принудительном порядке к работам все местное население, именно местное население для работ на месте и, во-вторых, все население без исключения,— и действительно мы знаем случаи на фронте и в ближайшем тылу, когда для рытья окопов, для возведения рвов и других сооружений обороны в крепостях призывается в порядке реквизиции все местное население для исполнения тех или иных работ. В данном случае туземцы были привлечены именно как таковые, не как местные жители, не распоряжением данного начальника армии или даже военного министра для работ в данной местности,— они были привлечены как инородцы одновременно во всей Российской империи. И раз это так, то несомненно, что привлечение, возложение новой повинности на целый разряд русских граждан, именуемых инородцами, возложение новой повинности могло произойти только в порядке ст. 71. Таким образом самое содержание указа, опубликованного 6 июля не подлежало опубликованию в Собрании узаконений и распоряжений правительства. И правительствующий сенат должен был задержать опубликование этого закона, как нарушающего Основные Законы по своему содержанию. Кроме того, г. г., в ст. 93 Осн. Зак. совершенно точно установлено в каком порядке на местах приводятся в исполнение, в действие новые законы или новые указы высочайшей власти. Там говорится, что на местах то или иное распоряжение Узаконений правительства

начинает действовать только со времени получения в данном месте соответствующего номера Собрания узаконений и распоряжений правительства. В случае же правительство считает данную меру необходимой провести в порядке экстренном, это особо должно быть оговорено в самом законе. И действительно, даже уже во время войны, когда были расширены полномочия в порядке верховного управления местным главнокомандующим и командующим армиями, то в высочайшем указе от 29 августа 1914 года было сказано в п. 5: Провести настоящий указ в исполнение по телеграфу. Между тем, в высочайшем повелении от 25 июля такого пункта не содержится; местная власть не имела права приступить к выполнению этого указа вне условий, ст. 93 предусмотренных. И председатель Совета министров и министр внутренних дел никоим образом не мог по телеграфу еще в конце июня, т.-е. до опубликования в Собрании узаконений и распоряжений правительства требовать по телеграфу от местных властей немедленного и неукоснительного исполнения высочайшего повеления от 25 июля. И, наконец, господа, предъявляя это требование к исполнению местным властям, министр внутренних дел и председатель совета министров не считал для себя даже обязательным выполнение точной воли, изложенной в высочайшем указе. В п. 2 высочайшего указа говорится: „определение возрастов инородческого населения, подлежащих привлечению к работам, а равно установление подробных правил привлечения их к сим работам применительно к порядку, заключающемуся в высочайше утвержденном мнении Военного совета от 3 августа 1914 года, предоставить соглашению министра внутренних дел и министра военного“. И вот отдавая распоряжение по телеграфу выполнить высочайшее повеление немедленно, министр внутренних дел и председатель Совета министров, а также и военный министр не выполнили п. 2 высочайшего указа. До сих пор не существует этих подробных правил, установленных по соглашению министра внутренних дел и министра военного и до сих пор в порядке, указанном п. 2 высочайшего повеления не предусмотрено, какие возрасты инородцев должны быть привлечены к этой трудовой повинности. Таким образом, господа, вы видите: при обнародовании и проведении в жизнь одного только высочайшего повеления от 25 июля были нарушены все, какие только можно было нарушить основные и не основные законы Российской империи. Этот факт, этот случай очень характерен, потому, что здесь вы видите не только пренебрежение со стороны министров к основным законам, не только их полное игнорирование к интересам и нуждам страны, но и признание себя самих абсолютными самодержцами Российской империи, признание, что для их министерской воли никаких ограничений не существует и даже точную волю верховной власти для себя они считают совершенно не обязательной. И если бы, господа, после такого проведения в жизнь высочайшего указа 25 июля не было бы никаких последствий, если бы по существу этот указ действительно заключал бы в себе ка-

куюнибудь логику, какоенибудь соответствие с требованиями жизни, если бы не было после этого тех роковых последствий, которые переживала страна при исполнении этого указа и тогда мы бы имели полное законное право сказать, что такой метод действий, такое исполнение высочайшего повеления, такое управление государством—недопустимо¹). Но, если вы представите себе, что случилось после объявления и прозвучания в жизнь этого указа, то, господа, может быть не нужно так далеко искать виновника этих происшествий, может быть эти виновники гораздо ближе, может быть именно эти виновники те самые люди, которые этот указ издавали. Ведь, как ни скверны законы Российской империи, но и в них есть известная логика и известный смысл и в отношении обявления или мер в отношении населения, управляемого в особом порядке, имеющего, так сказать, некоторые своеобразные условия быта на местах, и в отношении этого населения закон предусматривает некоторые особенности в исполнении приказаний и в управлении. Ст. 205 Общего положения учреждений министерских говорит, что в отношении мер, принимаемых для благоустройства общей пользы и казенного имущества в крае, вверенном управлению генерала-губернатора, не предпринимаются эти меры, не принимаются иначе, как по предварительном истребовании соображений и заключений генерал-губернатора. Посему, при принятии таких мер в законодательном или административном предположении, относящимся на утверждение, необходимо излагается подробно мнение местной власти об этой новой мере. И эта 205 ст. также не была выполнена. Ко всему тому, что я говорил, надо прибавить, г.г., еще, что для самой местной власти, для самого Туркестанского генерал-губернатора, генерал-губернатора Степного и всех губернаторов для всей местной администрации этот указ свалился, как снег на голову так же, как он свалился и на само население. Не потрудились даже, проводя такой огромной важности меру, не потрудились даже спросить сначала местную власть, считаете ли вы это возможным, и если вы считаете это возможным, то в каком порядке и когда это нужно привести в исполнение, кого нужно позвать, какие местные условия требуют особых, так сказать, мер для того, чтобы это не вызвало серьезных осложнений. Ведь, господа, Туркестан и степные киргизские области—это не Тульская или Тамбовская губернии. На них нужно смотреть, как смотрят англичане или французы на свои колонии. Это огромный мир с своеобразным бытовым, экономическим и политическим содержанием, и старый закон, закон, еще создававшийся при Сперанском, когда еще оставалась частица здравого государственного ума в русском высшем управлении, тогда, господа, были предусмотрены те пути и те средства, какими нужно управлять с некоторыми особенностями окраинами, и эта мера как я говорю, предусмотренная статьей 205-й, не была выполнена, и при таких обстоятельствах; 25 июля появляется, т.е. подписывается, а 29 июля телеграфно сообщается на места к немедленному исполнению указа, в его голом

виде, а именно следующий. Я уже читал его. Телеграмма гласит следующее: „немедленно привести в исполнение высочайшее повеление от 25 июля и призвать к соответствующим работам взрослое туземное население от 19 до 43 лет“. Г.г. Члены Государственной Думы, все, кто здесь сидят, без различия ваших партий, убеждений и точек зрения, я спрошу Вас, если бы в Тамбовской или Московской губернии внезапно была бы издана новая мера, которая требовала бы немедленного, во время разгара полезных работ, во время разгара сельско-хозяйственного сезона, немедленного ухода куда то в неизвестные пространства всего мужского трудоспособного населения, я спрашиваю вас, г.г., члены Государственной Думы, что в этой Тамбовской или Тульской губ. такая нелепая или сумасшедшая мера могла ли быть выполнена, а если бы она начала применяться, то какие последствия были бы в этой Тамбовской губернии. Я утверждаю, г.г., что те же самые или может быть гораздо в большем размере, чем они были в Туркестане и Степных областях. Представьте себе положение местной администрации, которая получает такой указ, подписанный не только министром внутренних дел, но председателем совета министров, который, кстати сказать, отличается не только теми свойствами, которые включаются в понятие теперешнего русского министра, но кроме того и поразительным невежеством по отношению к системе управления того государства, по главе которого он стоит. В телеграмме, напр., в Туркестан было сказано: исполнение этой меры поручить инородческому управлению,—во всем Туркестане еще не существующему. И вот между тем, чтобы представить себе значение этого указа, на минуту отвлечемся от развития событий, которые были после указа и представим себе положение вещей в Туркестане и Степных областях накануне объявления этого указа. Говорят и говорят даже со скамей правительственных, вот недавно в военно-морской комиссии, говорят без всякого основания, что это движение, так называемое, о котором я буду говорить после, подготавливалось, что это есть результат панисламистской немецкой или какой то еще другой пропаганды. Так вот я утверждаю, г.г., что накануне объявления высочайшего повеления в Ташкенте, во всей России не было области, не было края более спокойного, более мирно настроенного и менее внушающего какие бы то ни было опасения, чем Туркестан и степные генерал-губернаторства. Это я могу подтвердить фактами. Ведь в то время, г.г., в продолжении всей войны не в Туркестан, а из Туркестана везлись русские войска. Я опросил всю администрацию, конечно, не в буквальном смысле слова, всю, но представителей всех так сказать рангов и степеней я говорил со всем местным населением и с теми, которые пострадали от того движения, которое потом было. Все они единогласно утверждали, что до момента объявления высочайшего указа никаких малейших признаков на возможность этих событий в Туркестане не наблюдалось и даже убитый в Джызак

уездный начальник Рутковский¹⁾ был так уверен в спокойствии населения, что когда ему сказали, что в Старом городе идут беспорядки, он пошел туда пешком, не взяв с собой даже шашки, а с одним фотографическим аппаратом, в сопровождении только переводчика, совершенно уверенный, что никакой возможности волнения быть не может. В том же самом уезде русские женщины—женщины врачи, акушерка, сельская учительница, которых я потом спрашивал в больнице, в продолжение всей войны жили в глухих местах Туркестанского края без всякой охраны и не только без всякой охраны, но и в отсутствии хотя бы одного русского мужчины, жили одни женщины среди местного населения. Кроме того, г.г., ведь в продолжение всей войны с местного населения непрерывно шли реквизиционные сборы, сборы лошадей, кибиток, инструментов; население жертвовало и жертвовало в огромном количестве и что замечательно, г.г., когда с них собирали эти деньги, когда производили реквизицию, им все время говорили: давайте больше, потому, что никакой другой повинности во время войны не несете и не будете нести. И вот перед мною один из отчетов, подписанный местным администратором по сбору помощи семьям ушедших на войну русских поселенцев в сельскохозяйственных работах, который выразился в сумме около 100.000 рублей слишком ста тысяч рублей, который кончается так: „вместе с тем, комиссия не оставляет светлой надежды на отзывчивость жертвователей и особенно на отзывчивость тех полудиких кочевников, далеко стоящих от культурной жизни, которые, главным образом, на своих плечах выносят всю тяжесть материальной помощи семьям защитников, ушедших на фронт“. Это говорится о тех самых полудиких кочевниках, которых потом превратили в сознательно замышлявших измену и восстание против Российской империи и в какой то огромный союз, это те самые кочевники, которых теперь беспощадно десятками тысяч истребляют планомерно и систематично. Я, г.г., цитирую вам этот документ не для того, чтобы вызвать у вас сострадание и сказать, что они требуют к себе более внимательного отношения потому, что они жертвовали и помогали ушедшим на войну, это для меня не довод, я считаю, что всякий гражданин обязан пользоваться защитой законов, как бы он к чему бы то ни было ни относился. Я говорю это для того, чтобы иллюстрировать перед вами, насколько это был глубокий тыл, насколько там действительно было и тихо и спокойно. И почему же вдруг 29 июня получается указ, а 7-го июля происходят первые беспорядки. На какой почве, что их вызвало. И здесь я категорически и совершенно определенно вам отвечаю: причиной всего этого, что произошло в Туркестане, является исключительно центральная власть; объявившая и проводящая в жизнь незаконный указ, незаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права. Это они являются виновниками того, что они разрушили

¹⁾ Так в подлиннике. В действительности—Рукин.

эту цветную окрину, что они создали там условия, при которых местное население начинает голодать. Это они, г.г., виновники того, что ко всем фронтам войны прибавился новый Туркестанский фронт и вы представите себе, то, что я говорил о содержании указа, когда он дошел на месте, вы поймете, для вас станет совершенно очевидным, все, что было и что должно было быть. Но ведь кроме того, что заключалось в самом указе, есть еще местные условия есть быт, есть экономические условия жизни данного населения и указ, проведенный без обсуждения на местах, без всякой подготовки шел настолько в разрез со всем укладом местной жизни, что он совершенно не мог бы быть проведен в действительности в жизнь и даже момент проведения указа выбрали самый невозможный, самый неудачный из всех моментов, которые только можно было выбрать. В то время не только в Туркестане был разгар сельско-хозяйственного сезона, который по местным условиям кончается не в августе, а к концу октября, не только в это время эти от 19 до 43 лет люди были заняты на полях и в садовых работах, но в это время мусульмане исполняли свой величайший в году праздник—происходил великий мусульманский пост, так называемый большая уроза, когда все мусульманское население с восхода до захода солнца, а вы знаете какой длинный летом день, не пьет и не ест ничего и только ночью имеет право предаваться молению, а также подкрепляет себя пищей. Это время самого острого нервного подъема это время, когда все мусульманское население исключительно уходит в исполнение своих религиозных нужд и бодрствует в продолжении целой ночи, исполняя свой религиозный обряд. Наконец имейте в виду г.г., что в Туркестане положение женщины совершенно другое, там именно в Туркестане уход с сельского хозяйства мужчины делает семью совершенно беспомощной, уход всякого взрослого мужчины, потому, что местные туземные женщины это единственная мусульманская женщина в мире, остающаяся в таком положении именно в Российской империи: мусульманская женщина абсолютно лишена всякой возможности сношения с внешним миром, потому, что даже на улице она появляется в особой одежде с особым совершенно плотно закрывающим ее завесом на лице и ей запрещено вступать в какую бы то ни было беседу, в какой бы то ни было разговор с посторонним мужчиной. Таким образом самая возможность ликвидировать урожай, привести его на базар, сдать хлопок откупщикам исключается, если уходят все взрослые мужчины из Туркестана. Я не буду, г.г., перечислять вам все остальные причины, которые уже подготовили местное население к тому, чтобы этот указ был воспринят чрезвычайно болезненно. И я думаю, что если бы эта мера была продумана первоначально на местах, если бы она была проведена согласно указаниям местных людей и местной власти, то всех этих дополнительных недоразумений не было. А, г.г., ведь получив этот указ Туркестанский генерал-губернатор собрал со-

вет со всеми губернаторами края и на этом совете они обсуждали, как привести в исполнение эту меру и находили, что она невыполнима. Но ведь закон для русского чиновника вещь второстепенная, приказание начальника это все для него и он всегда его исполнит. И в этом огромном совещании местных высших представителей власти нашлся только один губернатор, генерал Гиппиус, который имел гражданское мужество подать особое мнение и не подчиниться такому безумному распоряжению местной власти. Это был единственный губернатор, который сказал: мера такого содержания и в таком порядке проводимая не может быть благополучно проведена. Вы скорее, господа, думайте не о том, как ее проводить, а о том, как усмирять население и как бороться с теми последствиями, которые вызовет эта мера. Он подал такое особое мнение и он у себя в Фергане отказался выполнять распоряжение генерал-губернатора, провел своим порядком эту меру, достигнув того, что там не было таких беспорядков, как в других областях, как, например, в Семиречье, и за это он получил чисто русскую благодарность.¹⁾ Этот единственный человек, так поступивший и так понявший правильно свой гражданский и административный долг, он был немедленно уволен, отчислен от исполнения своих обязанностей именно за неподчинение распоряжению высшей и верховной власти. И таким образом уже в начале июня было сделано распоряжение по всем губернаторам, приставам, уездным начальникам и т. д. о том,¹⁾ чтобы немедленно составить список всего мужского населения для взятия их на окопы. И вот, господа, этот самый слух, это сведение это сообщение о том, что берут все мужское население на окопы куда то, в действующую армию было понято населением совершенно превратно и понято не без участия местных властей. Это было понято, господа, таким образом, что все местные туземное население отправляется на фронт для того, чтобы копать окопы и подготавливать оборонительные сооружения впереди, перед русскими солдатами, таким образом, что все туземцы будут безоружны под расстрелом как с немецкой, так и с русской стороны. Что именно так понималась эта мера как взятие не только в окопы, но даже в солдаты, я могу подтвердить одним документом, который у меня есть, где должностное лицо, объявляя населению о призыве, говорит: немедленно составить списки для взятия в солдаты²⁾ местного населения. А Степной генерал-губернатор генерал Сухомлинов подтверждает это мое заявление тем, что он, этот губернатор, издал особое объявление, где говорит: „До сведения моего дошло, что среди населения распространяются слу-

¹⁾ Фразы, отмеченные скобками, подчеркнуты на полях, с левой стороны вертикальной чертой черным карандашом и против черты черным карандашом рукою Куропаткина написано: „взор“.

²⁾ Слова „для взятия в солдаты“ подчеркнуты черным карандашом; на полях с левой стороны против данной фразы черным карандашом рукою Куропаткина написано: „врет“.

ли о том, будто бы киргизы привлекаются на работы по устройству окопов в места между нашими и неприятельскими передовыми боевыми позициями и что таким образом киргизам грозит неизбежный расстрел с той и с другой стороны". Вот эти слухи, циркулирующие среди населения, генерал-губернатор опровергает. Но вы знаете, господа, что значит для русского населения опровержение какого либо администратора и как можно было бороться с теми, не слухами, распространяемыми отдельными людьми, а общим убеждением, которое охватило всю массу населения только путем таких объявлений в то время, когда вот именно этого требуемого высочайшим указом порядка призыва и определения работ не последовало до сих пор, когда вся местная власть сама не знала, как разъяснить эту меру населению и для чего, и куда, собственно говоря, все эти туземцы будут направлены. И даже официальный орган Семиреченского губернатора той именно местности, где были наиболее острые беспорядки, устанавливая причины волнений, говорит, что одной из причин были те слухи, и то поведение, или те разговоры со стороны русских людей, которые дразнили местное население, говоря киргизам, что их поведут в окопы, что их будут там безоружных убивать, что их будут там кормить свиной, и т. д. и т. д. Но, г.г., и эти слухи играли второстепенную роль сравнительно с теми действиями, которые последовали на местах немедленно после объявления высочайшего приказа. Я говорил вам, г.г., что я считаю высочайший приказ единственной причинной и утверждаю что этот приказ не выполнен и не был выполнен на местах. Я это подтверждаю тем, г.г., что действительно в том порядке, как это было предусмотрено здесь в Петербурге, нигде этот высочайший указ не выполнен. Везде от системы принудительного набора, от системы повинности местная власть должна была немедленно перейти к системе откупной. Исполняющий должность Туркестанского генерал-губернатора, весьма ограниченный администратор, хотя может быть прекрасный военачальник, генерал Ерофеев, он в одном из своих приказов даже так и пишет от 25 августа: а что касается туземцев, откупившихся от необходимости идти на фронт, то то-то и то-то... И вот эта купля и продажа, которая началась на местах в связи с действиями администрации, и вызвала то возмущение, которое началось среди местного населения. А действия администрации заключались в том, что получив этот приказ, явно не выполнимый, местная администрация сразу сообразила, что перед нею открывается новый небывалый фонтан, золотой фонтан, они сразу поняли, что это новый источник невероятного сказочного обогащения и новый источник эксплуатации и вымогательства в отношении к населению. И вот эта купля и продажа высочайшего указа, это обогащение и стремление к немедленному обогащению пока не повдну, создали вакханалию на местах. Я, господа, не буду останавливаться на отдельных случаях и не буду перечислять вам и останавливаться на шнобности Петрова, Иванова, Сидорова —

это слишком маленькне люди, чтобы занимать внимание высокой палаты, но я решительно возражаю против той версии, которая принята теперь правительством, версии, которая всю вину за вымогательства и взятки слагает на местную низшую туземную администрацию. Это, г.г., совершенно неверно. Туземная администрация, эти минбаши, т.е. сельские старосты, аксакалы и т. д. и т. д. они были только агентами в руках той русской администрации, которая и раньше в тесном союзе и именно через этих своих агентов обогащалась, вымогая и эксплуатируя население. Это верно потому, что многие из этих администраторов русских уже смещены со своих ¹⁾ должностей и в одном из приказов Туркестанского генерал-губернатора Куропаткина прямо говорится о том невероятном размахе, — я сейчас вам найду этот приказ, — говорится о целом ряде самых возмутительных лихоимств и вымогательств. ¹⁾ И что это верно, это я могу подтвердить и тем, что без различия как в Ташкенте, так и в Семиречье, как в Самаркандской области, так и в Ферганской, так и в Туркестане, так и в Степных областях, волнение, так называемое волнение местного населения всегда и самым точным образом совпадало с моментом составления списков. Да, г.г., неужели вы не знаете русской администрации, неужели вы можете сомневаться, что сделали Иванов или Петров, носящий форму чиновную, когда ему представилась возможность на свой вкус и взгляд определить, какого возраста данный Махмудка, как они там их называют. Ведь вы имейте в виду, что посемейных списков там нет, воинская повинность в Туркестане не ведется и поэтому установить, кому 19, а кому 18, кому 43, а кому 53 или 45, или 30/ кому 48, невозможно. Это нужно было делать на взгляд. Вы понимаете, что значит, когда вся местная администрация начала по взгляду представлять кому сколько лет. Сколько они получили в карманы от этого определения и как пострадало местное население, которое старалось тщетно доказать, что этому 60-летнему старику, которого я сам видал, на самом деле по списку оказывалось 30 лет, потому, что он не мог заплатить 300 р., а мальчишке в 25-30 лет, оказывалось 50, потому что он богатый человек. И ведь в жалобах, которые шли от местного населения, они не ограничивались только туземной администрацией. Но кто же может осмелиться какой сарт или киргиз посмеет пожаловаться на этого „тюрю“, на этого местного господина в военной полицейской форме, когда их безнаказанно, как собак пристреливал в это время всякий, кому было не лень. Вы представьте себе состояние этой загнанной, запуганной, терроризованной массы и вы представьте себе положение женщины, у которых отнимают всех мужчин, которых оставляют на произвол голода и нищеты, и недаром первым беспорядком;

¹⁾ Место, отмеченное сносками, отчеркнуто в подлиннике на полях с левой стороны черным карандашом. Против черты синим карандашом поставлен вопрос.

который был 7 июля или, кажется, даже 5 июля, в Хан... ¹⁾ был как мне говорил один из представителей жандармской власти, бабий бунт. Туземные женщины вышли на улицу, хотя не имели права—как я уже говорил—показываться ни одному постороннему мужчине—вышли без чадры, бросались под ноги казачьим лошадям, умоляя лучше их убить, чем заставить умирать голодной смертью... (Голос слева: позор!)... Вы знаете, что это было первое движение во всем Туркестане, в так называемой долине сартских областей, за исключением Джизакского уезда,²⁾ при котором не пострадал ни один русский человек. А кто пострадал? Пострадали эти низшие агенты, эти исполнители приказаний уездного начальника, обиравшего местное население на местах, эти минбаши, т. е. сельские старосты, волостные писаря, которые составляли эти списки. Население являлось и требовало уничтожения этих списков, как незаконно составленных, требовало чтобы прекратили с них вымогательства, как это до сих пор делалось по отношению к ним. Когда приехал новый Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин—к сожалению слишком поздно—все это было признано, все эти факты были установлены. Таким образом, каждый, кто знает историю событий в Туркестане, должен категорически признать, что никаких других причин, кроме самого указа и формы и способа его исполнения на месте, не было. И как только принимались меры, к тому, чтобы изменить порядок исполнения этой меры, как только начинали обращаться с местным населением более или менее прилично и разъясняли им, что от них хотят и как нужно это делать, сейчас же исчезали эти волнения, прекращалось это восстание, как здесь называют это теперь в Петербурге. Почему же. Если бы были глубокие причины, если бы был заговор, если бы было иностранное влияние, почему же они вспыхнули вместе с указом и вместе с фактической отменой этого нелепого распоряжения они сейчас же исчезали. Позвольте, г. г. мне не углубляться больше в доказательства моего основного положения, что никаких других причин, кроме указа и его исполнения, к событиям, бывшим в Туркестане, не было, и если только попробуют отсюда мне возражать, разрешите, я уже фактами окончательно докажу, когда они будут говорить неправду. Но, как я уже говорил, кроме этого центрального акта, вызвавшего беспорядки в Туркестане, было и на местах исполнение. Это исполнение заключалось, как я уж говорил, в этих вымогательствах, а также в судебном шантаже. Взяв с населения все, что было возможно, заставив население отдать все, что оно могло, началась вторая стадия вымогательства, тогда решили еще кое-что выбить из местных туземных масс, угрожая им привлечением в судебном порядке, грозящем чуть ли не

¹⁾ Так в подлиннике.

²⁾ Слова „за исключением Джизакского уезда“ подчеркнуты черным карандашом, очевидно, рукою Куропаткина.

смертной казнью за сопротивление властям. Стыдно было слушать, позорно было слушать, г.г., как эти полудикие номады, как здесь говорится в этом объявлении и очень культурные местные сарты, из русских культурных низинных городов, рассказывали какая такса существует за то, чтобы откупиться от судебных преследований. Вы помните, с этой кафедры мы рассказывали вам какая система практиковалась на Кавказе, когда создавалось великое это дело Дашнакцютюн, когда тоже миллионеры и богачи десятками сажались в тюрьмы для получения с них откупов. Та же самая система, тот же способ практиковался в Туркестане и в мелких городках, в Намангане или Коканде, сотни, иногда тысячи свезенных со всех округов без различия пола и возраста все сидели там, и только тот выходил, кто мог заплатить хорошую мзду. Потом были приняты меры, многие были освобождены, когда началась новая эра так называемого управления Туркестаном. Но психология масс, то, что она пережила оставила свой след и оставила след на многие годы, а может быть и десятилетия, и вам, представителям русской государственности, русской культуры всех без различия партий должно быть болезненно стыдно за то, поношенно, за то оскорбление, осквернение русской культуры, которое проделывалось русскими чиновниками, когда наша культура бросалась в грязь в глазах этой массы, местной туземной массы. Я говорю, г.г., что на почве вот этого нелепого указа, на почве этого недопустимого исполнения его на местах, несомненно начались эти эксцессы и волнения. Но здесь г.г. в то время когда туземное население волновалось как всегда волнуются народные массы,—это была стихийная вспышка, стихийная вспышка людей доведенных до ужаса и отчаяния, до негодования, до невежественных, темных, непонимающих причин, которые вызвали их несчастья. Это движение, вспыхивающее то тут, то там, было движением стихийным, таким же, как бывает всякое стихийное движение и как оно бывало и в России. Это всегда одинаковым способом отвечают доведенные до иступления массы на эксцессы бесправия и беззакония со стороны властей. Это один способ, который существует как в культурных, так и в некультурных государствах. Исчезает последняя воля сдержки, исчезает последний луч разума в уме этой массы. Она бросается, делает разгром, погром, совершает убийства и сама же сейчас в ужасе от происшествия, в ужасе от того, что она сделала бросается назад, распыляется, так что нельзя больше ее как массу, как таковую нигде найти. Именно так происходили все туземные беспорядки в Туркестане. 1) На эти беспорядки администрация и русская государственная власть отвечала планомерным и систематическим террором, недопустимым не только в культурном Европейском государстве но недопустимым даже в какой бы то ни было восточной деспотии. Очень трудно будет нам говорить теперь о турецких зверствах в Армении, очень трудно будет нам говорить о немецких зверствах в Бельгии, когда то, что происходило в горах Семиречья, никогда

может быть мир до сих пор не видел. Г.г. внизу в долинах областей, в местности, населенной сартами, русское население только пострадало в одном уезде — в Джизакском уезде: там действительно было убито и пострадало около ста человек. Это были мужчины и женщины, которые были застигнуты этой лавиной кочевников, которая шла с гор, с Джизака, ¹⁾ и застигнутые ночью в разных местах Джизакского уезда. Они погибли. Что это была стихийная вспышка, что это было неорганизованное восстание, а тем более не восстание, подготовленное закордонными нашими врагами, видно уже из того, г.г., что все эти пострадавшие, как я уже говорил, еще за два дня до события не знали о том и насколько не боялись того, что произойдет через два дня — ну может быть за неделю, не помню. Одним словом, одна из больных, пострадавших, которую я опрашивал, говорила, что только за несколько дней они почувствовали, что население начинает волноваться, и хотели уехать. И характерно, господа, как они узнали, что волнуется население: они узнали из того факта, что к ним, к этой фельдшернице поселка Заамин, ²⁾ стало приходить много раненых студентов ³⁾ избитых и пораненых, и она говорит, что, очевидно, прежде чем спуститься с гор между ними самими шла сильная борьба, была борьба из-за какого-то вопроса, а эта борьба, господа, она происходила и в Фергане и в Джизаке, и в Семиречье, это была борьба между беднотой и богатым классом. И в самом городе Джизаке и среди киргиз, как установлено официальными и неофициальными сообщениями, волнения начинались вот именно опять-таки с вопроса о цене, которую нужно уплатить за этого человека, который пойдет своею кровью искупать остающихся на местах. Шел спор между богачами, местными баями и остальной туземной массой, потому, что туземная масса требовала, чтобы этот налог, откупной налог был распределен пропорционально богатству того или другого местного жителя, а баи, вместе с русской администрацией отстаивали подымное обложение, и в то время, когда в какомнибудь кишлаке для богатого купца или землевладельца уплатить 10 или там 50 рублей ничего не стоило, беднота в это время, как подтвердили мне в Фергане чиновники мелкого кредита, шли и закладывали последних своих коров, закладывали последнее свое богатство туземным ростовщикам по 30-40% в месяц, закладывали тот клочок земли, на котором они сеяли хлопок. Вот на почве этой необходимости платить откуп, возникала социальная вражда между низами и верхами местного населения и поддержка администрацией верхов переводила гнев низов и на эту русскую администрацию. И так это и было, господа. Вот в этом самом Джизаке волнения и беспор-

¹⁾ По тексту, начиная со сноски на предыдущей странице рукою Куроваткина черным карандашом написано: «важное заявление. Можно и надо опровергнуть».

²⁾ В подлиннике: Зааминьё.

³⁾ Так в подлиннике. Видимому следует читать: туземцев.

рядки в городе начались и произошли столкновения между местным населением и богатыми баями ¹⁾ и потом уже, когда уездный начальник Рукин пошел в эту массу, он был растерзан этой потерявшей самообладание толпой. И что это было, господа, случайно видно из того, что на всем пространстве Туркестана и Степных областей никакого вооружения, заготовленного туземцами не было обнаружено. В их распоряжении оказалось несколько старинных кремневых ружей, затем были приготовлены именно на этот случай железные полосы, вроде кос, палки, вроде булавы, сучья, дубины, вилы и т. д., и только в Семиречьи они получили в свое распоряжение уже в разгар беспорядков, некоторое количество винтовок, которые были киргизами отбиты от транспорта, перевозившего вооружение в один из далеких уездных городов в Семиреченской области. Так что и эти единственные русского образца и вообще современного образца винтовки, оказалось, были получены туземцами во время беспорядков, и, кроме того, в Джизаке они отобрали несколько ружей у лесной стражи которая пострадала при их движении с гор в долины. И затем, г. г., конечно в разгар вот этого движения здесь были попытки внести религиозную проповедь со стороны, например, так называемых, местных проповедников,²⁾ монахов, ишанов,—это особый орден мусульманский,—были попытки пропагандировать известные религиозные идеи, идеи не политического содержания, а идеи религиозные и идеи освобождения от засилья русских людей. Но эти попытки обнаружены в нескольких, в двух-трех местах и уже опять-таки пост-фактум. ²⁾

Председательствующий. Член Государственной Думы Керенский, ваш час истек. (Голоса: просим, просим). Угодно Государственной Думе продлить? (Голоса: просим, просим).

Керенский. И вот, г. г., когда нам говорят, что была попытка панисламистской проповеди, что там были немецкие агенты, я могу вам рассказать два мне точно известных, довольно интересных случая. Когда была объявлена война Турции, то местное, —не военная власть,—местное охранное отделение уже доносило в Петербург и местному губернатору о том, что туземное население чрезвычайно нервно относится к тому, что Россия воюет с Турцией и что возможно ждать осложнений. Эти осложнения не последовали, но действительно в Андижане, там, в том самом уезде, где было знаменитое восстание андижанского ишана много лет тому назад, в центре местного хлопководства, наконец, нашли панисламистского пропагандиста. Был арестован с полицием местный милиционер туземец, у которого были найдены в квартире прокламации на местном языке с печатью панисламистского союза, с призывом жертвовать в пользу панисламистского движения,

¹⁾ В подлиннике: барамы.

²⁾ Место, отмеченное сносками, отчеркнуто на полях с левой стороны черным карандашом вертикальной чертой; против черты рукою Куропаткина написано: „черно“.

с угрозой¹⁾ убийства, в случае неуплаты.¹⁾ Величайшее торжество было у местных охранников и некоторой части администрации. Но один из администраторов не поверил этой истории, он назначил контррасследование, и обнаружилось, что эти прокламации печатались и хранились на квартире одного из агентов местного охранного отделения... (Голоса слева: здорово, это обычно ¹⁾) и этот агент был русский, по фамилии, кажется Тимофеев, и клал он эти свои произведения с наружной стороны в дом этого богача. Вот, господа, как пытались в Туркестане создавать панисламистскую пропаганду. И во имя своих задач и своих целей и действительные государственные преступники, эти подлинные предатели, они не задумывались над тем, что может быть эта их пропаганда попадет на хорошую почву, они не задумывались о тех последствиях, которые могли бы быть, если бы местное население всерьез отнеслось к этим прокламациям, как идущим от панисламистских агитаторов и если бы эти идеи и это стремление во имя панисламистских идей было сильно в местном туземном населении или, может быть, г.г. на самом деле эти люди, которые здесь, в Петербурге, кричат и посылают о волнениях на местах, они в действительности может быть слишком хорошо знают, что они говорят неправду и поэтому устраивают свои фокус-покусы совершенно безоблачно. А вот теперь уже, в то время, когда началось это движение, когда оно, правильнее сказать, кончилось уже в Ташкенте, и здесь они тоже хотели установить действия зарубежных держав и в самом Ташкенте были арестованы почти все местные туземные почетные судьи и им предъявлено было обвинение в том, что они состояли в переписке, в преступной переписке с афганским эмиром. Но и этих судей пришлось скоро выпустить, а эти письма пришлось припрятать подальше, потому, что и здесь оказалось, что эти письма того самого происхождения, как и прокламации о панисламистском восстании в Андижане. Так вот, г.г., когда вы слушаете как эти господа с министерских скамей повторяют вам эти легенды о панисламиизме и об интригах, которые происходили в Туркестане, враждебных нам держав. Вы знаете, что они только пытаются обмануть вас, пытаются с большой головы сложить свою вину не только на здоровую, но и на бесконечно пострадавшую. Я не знаю, говорят еще тут представитель Министерства внутренних дел в Думе имел смелость рассказывать о том, что по слухам, во главе киргизских войск стоял турецкий генерал ²⁾). Но, г.г., уже это известие абсолютно настолько анекдотично, что опровергать его совершенно не стоит, потому, что всякий, кто знает, что такое киргизы, каков их отношение к Турции и к мусульманству вообще сейчас же поймет, что такого случая вообще быть не может. Я говорю, г.г., не отрицаю, что эксцессы были и пострадали от этого стихийного возмущения в некоторых местах сравнитель-

¹⁾ Место, отмеченное сносками, отчеркнуто на полях вертикальной чертой, очевидно Куропаткиным.

²⁾ Фраза подчеркнута красным карандашом.

ю небольшие группы русского населения и даже в Семиречье, за исключением двух уездов Пржевальского, и Джаркентского а почему—я скажу—в других местах жертвы со стороны русских были единичные, а вот, когда случились беспорядки в Джизаке, туда приходит карательный отряд, состоящий из 3 видов оружия, пехоты, артиллерии и кавалерии и начальник отряда отдаст приказ идти в таких-то и таких-то направлениях и по своему пути сжигать все туземное население, уничтожать население без различия пола и возраста... (Голос слева: позор). Были уничтожены грудные дети, были уничтожены старики, старухи. (Шингарев: это варвары). (Родичев: то гордость страны). В то время когда 13 июля произошли беспорядки в Джизаке, 3 августа издается вот этот приказ. Вот подлинный приказ, который говорит о карательных экспедициях. 3 августа, повторю, почти через месяц после этих эксцессов толпы, издается приказ, чтобы все местное туземное население города Джизака—я был там, я был потом в развалинах и я все сам видел—где жило несколько тысяч, может быть свыше 10.000 туземцев... (голос: 20.000)... да 20.000 туземцев, если оно в трехдневный срок, т. е. до 6 августа, не выдаст убийц со всего уезда, т. е. всех убийц на пространстве нескольких тысяч верст в горах неуловимых, если не выдаст убийц, то все население будет беспощадно изгнано из города. 6 или 7 августа этот приказ был исполнен и утром,¹⁾ по пушечному выстрелу эта масса, главным образом женщин, детей и стариков, была выброшена из всех домов и очагов без пищи и продовольствия и была послана не в оазисах, где есть вода, а пустынными местами в глубь сзды²⁾ а город был планомерно и систематично весь уничтожен. Я, г.г., будучи на двух фронтах, западном и кавказском, нигде не видел столь идеально уничтоженного вражеского города, как этот город Джизак, находящийся в России, русский город. Но этим не ограничились, г.г., теперь Туркестанский генерал-губернатор издал приказ о конфискации всех земель всех жителей г. Джизака, который находится на пространстве, кажется, 900 десятин, огромного размера площадь самого города и его окрестностей. Эти земли конфискованы, и население, без различия правых и виновных, лишено права впредь пользоваться своей собственной землей. То же самое проделывается теперь в Семиречьи, и вы говорите,—иначе нельзя. А где в российских законах предоставлено право без суда и следствия лишать не только виновника в преступлении, не только преступника, но и его наследников недвижимой и движимой собственности, в каких зако-

¹⁾ Набранно: разрядкой подчеркнуто в подлиннике красным карандашом, место, отмеченное сплоскими, отчеркнуто с левой стороны красным карандашом.

нах российских это написано. И почему, г.г., если здесь происходят аграрные или еврейские беспорядки, когда жертвы бывают такие же, эти конфискации не производятся и не могли бы быть произведены, потому что здесь все таки есть какой то контроль общественного мнения. Вы говорите: следовало, как же вы можете возмущаться тем, что делают наши враги германцы и турки. Где вы слышали, чтобы в Бельгии граждане были лишены права на недвижимую собственность, где вы видели, чтобы не враги, а свои собственные граждане подвергались таким эксцессам безумной власти? Но все, г.г., я не буду говорить вам об этом ужасе, мародерстве, изнасиловании, убийствах грабежах, которые сопровождали эту карательную экспедицию не только в Джизаке, но и других городах низинного Туркестана, в роде Той-Тюбе, Ташкентского уезда, где жертв со стороны русских не было. Какая же государственность, какое государство может стоять на той точке зрения, чтобы за эксцессы толпы в отношении двух человек уничтожать двести: И вы, сидящие направо, среди вас так много людей с крестами, кричите: так и следовало бы. Вы одобряете, точно не библейские, а я не знаю какие... (шум), (не слышно) (Голос справа: это ложь).

Председательствующий. Член Государственной Думы от Якубович, прошу вас не перебивать оратора. (Голос справа: это ложь).

Прошу не перебивать оратора, иначе я буду принужден применить меру выскания.

Керенский... сарты это пустяки, сравнительно с тем, что происходит с киргизами. Я не буду утомлять вас, поверьте, если нужно будет, я это докажу от А до Зет. Те же самые причины вызвали движение киргизов, те же самые причины дали те же самые следствия. Но там далеко вдали от последних культурных центров, там где нет железной дороги, там где еще можно размахнуться во всю ширь, там эти эксцессы власти и к сожалению части русского населения достигли небывалых размеров. Недавно здесь говорил нам министр земледелия о тех школьниках, русских, которые были уничтожены местным населением. Я это знаю, это очень печально, это очень грустно, г.г., но как же нужно возмущаться, если таких детей уничтожала уже не толпа в момент безумия, а уничтожала власть планомерно и спокойно. Ведь русское население пострадало в двух уездах: Пржевальском и Д...¹⁾ а эксцессы в отношении киргизского населения были во всех остальных. Пострадали отдельные русские граждане в этих двух уездах и главным образом люди совершенно и абсолютно не имеющие никакого отношения к местной жизни, это статистики, присланные на всероссийскую перепись скота летом, это студенты, которые работали там на ирригационных работах. Об них в момент этого волнения, этого испуга, который сначала охватил власть

¹⁾ Так в подлиннике. Вероятно Джаркентском.

сама же власть забыла, сама же власть, г.г. свосирсменно никаких мер ни к охране русских отдельных людей, ни к разъяснению киргизам сути этого указа не приняла. Вот, напр., в селении Беловодском привозят около 500 киргизов для того, чтобы отправить их уже в волость, где были составлены списки для того, чтобы отправить их дальше в уездный город и местному русскому населению кажется ненужным охранять этих киргиз и большая часть этих безоружных и добровольно находящихся среди русского населения киргиз палками и камнями уничтожается, остальных везут в уездный город Пишпек и там на глазах начальства в тот же день вечером на Соборной площади, под звуки музыки кинематографа, добиваются остальные. А в селении Луговом, где отряд солдат оцепил вместе с местными несколькими русскими поселенцами, оцепил громадную толпу киргиз и стал гнать их безоружных выстрелами и нагайками к утесу, внизу которого была река и сбросил туда этих людей (Голоса слева: это кошмар какой-то.). А в Токмаке, маленьком городке, где начальником карательной экспедиции, посланной генералом Фольбаумом, ныне скончавшимся и именующимся Соколов-Соколинский¹⁾ посланным для усмирения киргиз с тем же приказом уничтожать все их аулы и все население, этот начальник карательной экспедиции, приехал в Токмак и в присутствии всей русской интеллигенции гордился тем, что он блестяще выполнил приказ своего начальника и даже его молодцы случайно или шутя заложников мирной волости киргиз, пришедших к ним добровольно, потопили, переходя одну из речушек. Вы думаете, господа, что все это преувеличение, а вот послушайте, как эпически и как спокойно рассказывается то, что происходило недавно в горах Семиречья в официальной газете: „Известное возмездие уже постигло, конечно, мятежников, войсками перебито много тысяч киргиз... (Голос слева: позор)... их стойбища уничтожаются, огромное количество их стад переходит в руки войск, администрации. Но это не все. Главный результат комбинированных операций войск заключается в том, что все мятежники загнаны сейчас в такие горные районы, где вскоре вследствие холода и голода они в полной мере почувствуют последствия своего безумного восстания... (Голоса слева: позор)... уже доходят сведения об их лишениях и болезнях среди них, но войскам приказано не давать врагу пощады... (голос слева: нашли врага)... Вы поймете весь смысл этого образца эпической литературы. (голоса: какая это газета?). Официальная местная газета. Если вы поймете что такое происходит там, кто это такие загнанные в ущелья, это вы думаете загнанные комбинированными силами русских войск. Это вы думаете вооруженные мятежники, это вы думаете действительные враги? Нет господа, это поголовно и главным образом, женское население киргиз, кото-

¹⁾ Семиреченский военный губернатор генерал Фольбаум в 1916 г. переименовал свою фамилию на Соколов-Соколинский.

рые, когда был объявлен указ и когда начались беспорядки, огромными массами, целыми родами поднялись с долины и пошли себе в горы искать себе нового убежища, новой родины в Китае. Их восстание было восстание пассивное. Они хотели одного — уйти в Китай, покинуть эту старую родину, столь жестоко с ними обошедшуюся. И, вот, когда эта масса киргизского населения с долины, от рек постепенно поднималась в горы и скапливалась в проходимых ущельях, стремясь уйти из России, здесь производились эти комбинированные действия войск и эта масса женщин детей, взрослых и стариков, она обрекалась холодно и спокойно на голодную смерть. Так как же можно после этого говорить и ставить в вину темным, непросвещенным, забитым, далеким от нас туземцам, то, что они пережив все то, о чем я вам говорил, иногда теряли терпение и совершали акты возмутительные, о которых они сейчас же сами жалели и раскаивались. Как можно говорить с возмущением об этом, когда мы стоим перед действительно позорной страницей, неизгладимой страницей позора в русской истории. И прав был тот представитель военно-прокурорского надзора, который побывав в Джизаке на одном из дел, которое было после усмирения восстания, вернувшись домой в Ташкент, сказал: мы не знали куда деваться от стыда, мы увидели позорную страницу истории России. И вот, г.г., вы представьте себе теперь, какие последствия, какие результаты дала эта небывалая по смелости и по незаконности исполнения этого высочайшего указа мера, которую, может быть, и нужно было привести в исполнение, мера которая должна была влить в общую гражданственность, по мысли вашей здесь в Думе, и далеких туземцев, эта мера была превращена в издевательство и насилие над населением в позорное явление для русского государства и создала теперь новое и неизгладимое последствие. Оно будет иметь, г.г., теперь огромное не только экономическое, но и политическое значение, оно теперь вот в настоящее время открыло перед местным туземным населением ту сторону русской государственности, о которой они, может быть, по своей темноте и отдаленности, и представления не имели. Они поняли теперь, г.г., что эти русские администраторы, которые управляют именем великой европейской страны, не лучше, а хуже этих бухарских и турецких сатрапов, потому что там нет таких усовершенствованных способов уничтожать население. Там, слава богу, в Бухаре, например, пулеметов еще не имеется и не имеется регулярного войска, которое может десятки тысяч жителей мирных, женщин и детей, уничтожать на расстоянии двух-трех недель. Господа, вот те результаты, которые мы теперь переживаем. Что будет в Туркестане, я не знаю; я знаю только одно, что кроме последствий политических, которые, может быть, их не интересуют, уже сказываются и экономические последствия. Но все, что произошло, мне кажется, должно поставить перед нами гораздо более серьезный и более важный вопрос. Я думаю, господа, что кровь невинных, которая пролита, она может быть и

должна дать свое возмездие. Она должна вызвать в нас, по крайней мере, сознание той исключительной ответственности, которую и мы несем, потому что ведь это делалось нашим именем, именем русского народа, именем народов России. Мы должны сознать господа, что вот эта система управления оказывается не только неприменима для того, чтобы существовало государство спокойно в Европе, она оказывается невозможной даже в далеких азиатских степях, даже там эта система превращается в какого-то врага народа, являющегося великим ужасом и наказанием для тех, кто ей подчинен. И здесь, г.г. мы должны вспомнить то отношение, которое при наших объездах проявляло местное население к тому, что может быть не существует, к какой-то воображаемой русской государственности, к каким-то воображаемым русским государственным деятелям и к Государственной Думе. Там всюду, где бы мы ни были вместе с товарищем Тевкелевым, где бы ни говорили с туземцами, мы видели одно, мы видели великий ужас по отношению к тому, что их окружает и великую веру по отношению к тому, что от них далеко. Они думали, что мы, приехавшие к ним, приехали увидели, узнали и пойдем и кому-то скажем, скажем, вот вам, как они думали, вам, членам Государственной Думы и они имели наивность думать, что здесь в этом собрании есть какие-то другие русские государственные деятели, есть какие-то другие начала русской государственности, которые придут им на помощь, которые скажут этим насильникам, что не виновата масса в пролитой ею крови, что виноваты в этом те, кто преступили закон и право. Мне было странно и удивительно, г.г., видеть, какая глубина наивной веры, наивного восторга заключена в этой темной массе не в отношении турецкого султана, не по отношению каких-то зарубежных агентов, а к нам, вот к этому имени русского государства, с которым они себя связали, и мы говорили им, мы отвечали им, что они правы, они правы в том, что они верят, верят в то, что в России есть другие люди, служащие другим идеалам, идущие к другим целям. Мы говорили им, чтобы они не теряли веры в народ, с которым они связаны — испытываемым ужасом управления тех людей, с которыми и мы боремся за свободу и счастье своего собственного народа. Теперь, г.г., на нас, на русской общественности, лежит великая ответственность не только перед своим собственным народом, но и перед той массой чуждых нам народов и национальностей, которые тяжелой цепью русской государственности скованы с нами воедино. События, которые произошли в Туркестане, ставят перед нами вопрос о необходимости с корнем уничтожить возможность повторения таких событий. Они ставят перед нами новые колоссальные вопросы, вопросы о новом порядке управления наших окраин, и в частности Туркестана. Мы должны принять все меры к тому, чтобы в самый кратчайший срок там была насаждена европейская государственность. Г.г., это ведь давно ушедшие времена, когда Туркестан, Фергана, Семиречье, Закаспийская область были каким-то кон-

должна дать свое возмездие. Она должна вызвать в нас, по крайней мере, сознание той исключительной ответственности, которую и мы несем, потому что ведь это делалось нашим именем, именем русского народа, именем народов России. Мы должны сознать господа, что вот эта система управления оказывается не только неприменима для того, чтобы существовало государство спокойно в Европе, она оказывается невозможной даже в далеких азиатских степях, даже там эта система превращается в какого-то врага народа, являющегося великим ужасом и наказанием для тех, кто ей подчинен. И здесь, г.г. мы должны вспомнить то отношение, которое при наших объездах проявляло местное население к тому, что может быть не существует, к какой-то воображаемой русской государственности, к каким-то воображаемым русским государственным деятелям и к Государственной Думе. Там всюду, где бы мы ни были вместе с товарищем Тевкелевым, где бы ни говорили с туземцами, мы видели одно, мы видели великий ужас по отношению к тому, что их окружает и великую веру по отношению к тому, что от них далеко. Они думали, что мы, приехавшие к ним, приехали увидели, узнали и пойдем и кому-то скажем, скажем, вот вам, как они думали, вам, членам Государственной Думы и они имели наивность думать, что здесь в этом собрании есть какие-то другие русские государственные деятели, есть какие-то другие начала русской государственности, которые придут им на помощь, которые скажут этим насильникам, что не виновата масса в пролитой ею крови, что виноваты в этом те, кто преступили закон и право. Мне было странно и удивительно, г.г., видеть, какая глубина наивной веры, наивного восторга заключена в этой темной массе не в отношении турецкого султана, не по отношению каких-то зарубежных агентов, а к нам, вот к этому имени русского государства, с которым они себя связали, и мы говорили им, мы отвечали им, что они правы, они правы в том, что они верят, верят в то, что в России есть другие люди, служащие другим идеалам, идущие к другим целям. Мы говорили им, чтобы они не теряли веры в народ, с которым они связаны — испытываемым ужасом управления тех людей, с которыми и мы боремся за свободу и счастье своего собственного народа. Теперь, г.г., на нас, на русской общественности, лежит великая ответственность не только перед своим собственным народом, но и перед той массой чуждых нам народов и национальностей, которые тяжелой цепью русской государственности скованы с нами воедино. События, которые произошли в Туркестане, ставят перед нами вопрос о необходимости с корнем уничтожить возможность повторения таких событий. Они ставят перед нами новые колоссальные вопросы, вопросы о новом порядке управления наших окраин, и в частности Туркестана. Мы должны принять все меры к тому, чтобы в самый кратчайший срок там была насаждена европейская государственность. Г.г., это ведь давно ушедшие времена, когда Туркестан, Фергана, Семиречье, Закаспийская область были каким-то кон-

цом мира и упирались в Памир и как будто бы уходили в какую то тьму неизвестности. Ведь теперь эта наша окраина со всех сторон окружена просыпающимися или проснувшимися уже и стремящимися к культуре народами, ведь там Индостан с англичанами, там Персия, возрождающаяся к новой жизни, там Китай, идущий к новым формам управления, все кругом живет уже новыми идеалами и стремится к новым задачам. Они понимают государственность иначе, чем понималась она в 1865 году, когда завоевывался Туркестан. Все кругом пошло вперед к свету и прогрессу, а мы остались там, со старыми навыками, со старыми порядками управления азиатской сатрапии, лишенные элементарного представления о праве и справедливости,¹⁾ но то, что было возможно тогда, совершенно невозможно теперь. Генерал-губернатор Куропаткин сравнительно со всеми другими администраторами в Туркестане, является белой вороной в сравнении с теми, которые производили эти безобразия, когда вы с ним поговорите о том, как нужно управлять Туркестаном, когда вы изучите его государственное мирозерцание, то вы придете в ужас, потому, что это человек, который до сих пор отстаивает и доказывает, что единственной формой, нужной для народа, является самодержавная неограниченная форма управления (Голос справа: правильно), это человек, который в XX веке отрицает²⁾ необходимость местного самоуправления на окраине, который совершенно не понимает, что изображать из себя отца многочисленных детей и подданных, этих сартов и киргиз, теперь невозможно потому, что там родилась своя культура, потому что там есть уже люди, туземцы, которые в культурном отношении стоят значительно выше русских администраторов, потому, что там уже, г.г., за это время создалась огромная русская колония, которая требует совершенно новой системы управления. И все, что произошло в Туркестане, является результатом не только, я не скажу даже, злой воли, а невежества и безумия верхов, но является и результатом этого уже оказавшегося разложения местной системы управления. Мы видели воочию, что целая огромная окраина, жемчужина Российского государства, единственный рынок и производитель хлопка, существует исключительно волей Божьей и уже никаких признаков системы сознательной и идущей в сторону разумного управления местного населения уже нет. Вот, все, что я видел, и все что я наблюдал, все мои впечатления, которые я вынес после тщательного обследования, после многочисленных бесед, после изучения Туркестана, теперь, на основании того опыта, который был у меня раньше, потому что я там и раньше же бывал. Я изложил вам все, что я видел, стараясь все время быть излагателем, стараясь изложить вам события вне всякой политической оценки и окраски. Я хотел бы верить, г.г., что в этом вопросе мы действительно найдем единственное понимание событий в их оценке³⁾ и найдем

¹⁾ Отчеркнуто на полях черным карандашом.

²⁾ Так в подлиннике.

единственный выход. Мы должны сказать, что вся вина за события падает исключительно на русскую власть, совершившую недопустимое, невероятное беззаконие. Мы должны сказать, что кроме возмездия, которое должны понести преступники, на совести которых десятки тысяч невинно убитых, мы должны еще немедленно потребовать и поставить на очередь проведение новых форм управления Туркестана и других наших окраин.

Председательствующий. Член Государственной Думы Джафаров.

Джафаров¹ (Бакинская, Елисаветпольская и Эриванская губ.) Господа Члены Государственной Думы. Прежде чем перейти, к изложению своей речи, я должен указать, что мы сегодня обсудим такой важный вопрос при отсутствии представителей тех окраин, которых касается обсуждаемый вопрос. Это положение ненормальное, оно дольше терпимо быть не может. Затем я должен сказать, что 27-го числа минувшего месяца я в военной комиссии изложил свой взгляд на этот вопрос в довольно резких выражениях, но сегодня боясь, что в таких выражениях я не сумею докончить свою речь, я поставил себя в известные рамки и позволю себе от имени мусульманской фракции изложить наш взгляд на эти события и указать попутно на те причины, на те обстоятельства, которые вызвали эти события. Высочайшее повеление, опубликованное 6 июля открыло целую эру в жизни инородческого населения восточных окраин России—Кавказа, Туркестана, Сибири и степных областей. В процесс великой мировой войны оказались втянуты непосредственно сотни тысяч инородческого населения, живущего до сей поры особым экономическим укладом, занимающего в общегосударственном строе особое положение граждан, ограниченных в правах. Казалось это должно было заставить правительство отнестись к этому акту поголовного призыва инородцев с особой осторожностью и вдумчивостью. Однако, в действительности мы видим обратное: призыв инородцев состоялся в порядке, нарушающем Основные Законы Империи и воплощен был в жизнь в форме, вызвавшей ничем не оправдываемые потрясения хозяйственной жизни инородческого населения. Незаконмерные действия агентов высшей власти сопровождались безграничным произволом местных властей. Незаконмерность как самого акта издания повеления о призыве инородцев, так и незаконмерность проведения этого акта в жизнь—прямой результат выработанной веками и традициями инородческой политики, политики игнорирования как мнения самого населения, так и его жизненных интересов. Здесь я не буду останавливать Вашего внимания подробно на юридической стороне этого вопроса, юридическая сторона вопроса подробно изложена в нашем запросе и она напечатана и роздана вам. Здесь я укажу только на ст. 71 Осн. Зак., которая гласит: Российские подданные обязаны платить установ-

¹ Мусульманская группа.

ленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности, согласно постановлению закона. Статья же 86: никакой новый закон не может последовать без одобрения и Государственного Совета, и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения государя императора. Военный Министр, испросивший высочайшее повеление от 25 июня, нарушил уже приведенные статьи Основных Законов. В самом деле, этим высочайшим повелением налагается на местности, в которых инородческое население новая повинность, а между тем, как сказано в ст. 71 Осн. Зак. отбывание повинности русскими подданными не может быть установлено иначе, как в законодательном порядке. При чем, в порядке военного законодательства, в порядке ст. 96, не может быть издано распоряжение, которое составляет предмет общих законов. Независимо от сказанного, министр внутренних дел допустил превышение власти, распорядившись самолично, без предварительного соглашения с военным министром, о всеобщем призыве инородцев, несмотря на требование 2 раздела высочайшего повеления 25 июня о том, что такое распоряжение нуждалось в предварительном согласии военного министра и предварительной же выработке подробных правил о призыве. Таким образом вопреки ясному смыслу закона на инородческое население возлагается новая повинность, которая могла быть установлена не иначе, как законодательным порядком. Мало того, установленная с нарушением Основных Законов, повинность осуществляется без соблюдения требования самого акта о призыве. Но нужно ли считаться с требованиями закона раз дело касается каких то там киргиз, сартов, туркмен? Для этих инородцев, как говорится, законы не писаны. Превышение власти—это принцип инородческой политики русской власти: призвать на работы, и конечно, а в случае противодействия разве не существует огромный административный механизм, наделенный всею силою полицейской власти? Не учитывая разнообразия экономического быта отдельных инородческих групп, не предусматривая ущерба, какой может понести как хозяйство отдельных областей, так и хозяйство страны в целом, правительство прямолинейно проводит в жизнь мероприятия, которые следовало бы эластично приспособить к своеобразным условиям жизни отдельных местностей. Перед нами ряд документов, которые поистине являются криком жизни и могут служить ярким свидетельством того, насколько огульный призыв инородцев был чреват в смысле экономическо-вредными последствиями. Как только был издан указ о призыве инородцев, то сейчас же с разных концов империи стали поступать в канцелярию министра внутренних дел и военного ходатайства, указания и просьбы о необходимости отсрочек и льгот. В огромном количестве этот материал поступал и к нам, в мусульманскую фракцию. Как всем хорошо известно, указ был издан в разгар летней страды. В значительном количестве инородцы в степных областях были заняты сельско-хозяйственными работами, как на своих землях, так и на землях русского населения.

Во многих местах инородцы безвозмездно, из сочувствия к русскому населению исполняли эти работы и издание повеления произошло в момент крайне неудачный и членам Государственной Думы пришлось в то время предпринять некоторые шаги. Мы в то время обратились в военное министерство, в министерство внутренних дел и указывали на дефекты призыва инородцев на окопные работы. Мы предлагали немедленно выработать подробные условия приемов призыва инородцев на эти работы. Однако же, наш голос остался гласом вопиющего в пустыне. На могущие быть волнения в Туркестанском крае также было указано в телеграмме членами Думы Ржевским, Некрасовым и другими на имя начальника штаба верховного главнокомандующего и на имя военного министра. Но не один Туркестан был взволнован открывшейся перед ним перспективой хозяйственных неурядиц. Можно сказать, решительно со всех краев России полетели срочные телеграммы. Петроград наводнился депутациями из самых отдаленных местностей. В петроградских канцеляриях появился до сих пор редкий проситель, кинувший далекие степи и приехавший в столицу в надежде найти здесь правду и милость. Но власть привыкла действовать необдуманно и прямолинейно. Я не буду утруждать ваше внимание цитированием имеющихся у нас документов, которые подтверждают нашу мысль, что распоряжение о всеобщем призыве инородцев не учло экономического своеобразия краевых местностей, ни бытовых условий инородцев, ни роли местного хозяйства в благополучном состоянии тыла, а в результате получилось, якобы, организуется фронт и в то же время в действительности дезорганизуется тыл. Эта дезорганизация на обширных окраинах России, как результат огульного призыва инородцев на окопные работы усиливается еще и одной крайне характерной бытовой особенностью этого краевого населения, на которую я считаю необходимым указать. Эта особенность весьма важная и заключается она в том бытовом положении, которое занимает женщина у инородческого населения. В то время, как женщина в русской крестьянской семье является хозяйственной единицей, которая свободно может заменить мужчину, призванного в ряды армии, женщина инородческого населения этой роли исполнять не может, она связана вековыми традициями, изолирующими ее от соприкосновения с внешним миром. И эта очень важная бытовая особенность также оказалась вне поля зрения центральной власти. Словом, много грехов было сделано актом издания призыва инородцев на окопные работы, тут нарушение Основных законов империи, нелогичность мероприятий, вредная прямолинейность и экономическая несостоятельность. Одним словом, целый ряд грехов, которые может допустить только власть, не видящая живой действительности вскормленная и взлелеянная в тиши бюрократических канцелярий рапортами и прошениями, власть безответственная перед страной, власть не опирающаяся на живые народные силы. Конечно, ждать государственной мудрости и целесообразности в мероприятиях такой власти трудно.

Акт о призыве инородцев—яркий образчик государственной работы такой власти. Мы не будем больше останавливаться на общей оценке мероприятий центральной власти; перейдем к характеристике осуществления этих мероприятий на местах. Перед нами два огромных района: Туркестан и Степные области. Посмотрим, как заработал административный механизм на местах, как только ему дан был толчок в известном направлении со стороны центрального управления. Остановимся сначала на Туркестане. Туркестанские власти, желая как можно скорее произвести набор рабочих, получив акт о призыве инородцев на окопные работы, предписали низшим властям немедленно представить список лиц от 19 до 31 года. Эта краевая власть сочла совершенно излишним широкое предварительное ознакомление туземного населения с характером возложенных на него новых обязанностей. Вот все, что было ею сделано. Но даже и это предписание о представлении списка не отличалось строгой определенностью. В прошении, подавном Туркестанскому генерал-губернатору 15 августа жителями города Самарканда, покрытом многочисленными подписями, говорится, что согласно распоряжения военного губернатора Лыкошина в течение пяти дней они должны были представить по начальству списки лиц в возрасте от 19 до 31 года. Волостные управители и сельские старшины приступили к этой работе и уже некоторые заканчивали ее наполовину, когда получено было известие из Ташкента, где 2 июля происходило совещание военных губернаторов, о ненужности этих списков. Последующее затем объявление Самаркандского военного губернатора говорило о том, что он, губернатор, совместно с уездными начальниками и полицмейстерами распределил по уездам и городам ту долю военно-рабочих, которая падает на Самаркандскую область, и что каждый город и сельское общество обязаны приговором указать, кого оно отдает военно-рабочими. „Раньше нам говорили,—пишет житель г. Андижана, Ферганской области, 50 лет, Ходжаев депутатам Тевкелеву и Керенскому,—что детей ваших в солдаты не возьмут, поэтому вы должны усердно жертвовать лошадьми и всем чем только можете, когда к вам будет обращаться начальство, и мы по силе возможности жертвовали деньгами и вещами; посылали обрабатывать землю ушедших на войну крестьян—мы обрабатывали“. Однако, необходимо твердо подчеркнуть, что администрация постоянно поддерживала туземцев в этой мысли о свободе от личного участия в войне, в особенности когда им нужно было обращаться к туземцам за добровольными пожертвованиями на нужды настоящей войны. Уверенность самих туземцев в свободе от воинской повинности и правдивости слов администрации: „детей ваших в солдаты не возьмут“, в глазах населения находила подтверждение в законе 19 апреля 1915 года, на основании которого в целях уравнивания в распределении тяжести государственной повинности на освобожденную от несения натуральной воинской повинности часть населения возлагается обязанность уплаты добавочного и обычным по-

двух и палогам военного сбора. Наконец, туземное население совершенно не понимало, что именно требуется от него; оно не понимало ни цели, ни характера так неожиданно возложенной на него новой обязанности. Местная печать, вероятно, не без страха перед военной цензурой, также не освещала этого вопроса. Я говорю о русской печати, так как туземной печати в Туркестане не существует, если не считать издающийся в Ташкенте туземный офицюз на сартовском языке. Впервые только 15 июля, когда имевшие место во многих городах Туркестана эксцессы приходили к концу, когда над мирным напуганным туземным населением администрация демонстрировала все свое умение и изобретательность создавать и прекращать дело, в официальных „Туркестанских Ведомостях“, появляется небольшая статья с запоздалым разъяснением. Только тогда, оказывается, ясно увидели, что туземцы совершенно не представляют себе, что такое тыловые работы, что требуется от рабочих в тылу и в каких условиях протекает жизнь тыловых рабочих. Если рядом с этой статьей поставить другую заметку из тех же „Туркестанских ведомостей“, но только появившуюся днем раньше, в которой говорится, что один из военных инженеров во время пребывания там набрал до 10.000 рабочих туземцев и что туземцы очень охотно занимались на работы в тылу армий и несколько тысяч из них уже отправлены на места работы, то с очевидностью станет ясным и понятным, какую роль в деле набора рабочих могло бы сыграть непосредственное и толковое объяснение им той цели, какую преследует высочайшее повеление. Между тем, переданное по телеграфу из Петрограда высочайшее повеление в разных местах Туркестана получило разное толкование. Так, Ферганский губернатор генерал-лейтенант Гиппиус, чтобы растеять распространившиеся среди туземцев слухи о призыве их в ряды войск, истолковал высочайшее повеление в смысле привлечения их в качестве рабочих-добровольцев; это, кстати, привело к увольнению Гиппиуса за превратное толкование. В Самаркандской области губернатор распространил по городу Самарканду объявление, в котором говорится, что туземцы привлекаются к оборонительным работам, а управитель Киз . . . .¹⁾ области, Б . . . .²⁾ участка в предписании своем от 6 июля, изданном на основании предписания Б . . . .³⁾ пристава, приглашает аульных приставов, старшин и почетных лиц своей волости явиться для выслушания предписания о призыве киргизов в солдаты. Вот в каком виде дошло до населения Туркестанского края высочайшее повеление 25 июня. В результате—события, которые разыгрались в целом ряде городов. Остановимся на некоторых из них. Жителям г. Андижана было объявлено начальником уезда, полковником Д . . . .⁴⁾, чтобы они собрались 9 июля утром в соборную мечеть Джамии. Народу собралось немного, так как в это время шел мусульманский пост, и сарты, изнуренные голодом, в жаркие

¹⁾ Провуски в подчинении.

²⁾ Так в подлиннике. В действительности Бржезидий.

июльские дни неохотно выходят на улицу, проводя время дома или в лавках. Полковник Д . . . . ¹⁾ велел созвать народ со всего базара. Собралась огромная толпа; было много китайских подданных . . . . ²⁾ и бухарских подданных . . . . ³⁾ Слова: „набор, работы в районе действующей армии, требование немедленно составить списки лиц от 19 до 31 года“ ошеломили сартов. Послышались голоса: нас обманули, покажите бумагу от царя. Просили отложить набор до конца мусульманского поста. Не сказав ни слова, полковник Д . . . . ¹⁾ удалился от мечети и через некоторое время возвратился со взводом казаков. Толпа уже мирно расходилась. На базаре уездному начальнику навстречу попала толпа человек в 150—200. Разговор с ними быстро перешел в стрельбу. Настроенные мирно, безоружные туземцы разбежались в разные стороны. Несколько человек было убито, много раненых. Убит также китайский подданный . . . . ¹⁾. В Ташкенте высочайшее повеление о привлечении туземцев на тыловые работы было объявлено 7 июля через . . . . ²⁾ десятников и имамов. Никаких разъяснений дано не было. На 10 июля пятидесятники и имамы были снова приглашены в управление полициймейстера туземной части Ташкента. Узнав об этом, туда направилась толпа туземцев, преимущественно женщин, в несколько тысяч человек с целью получить разъяснение и просить об отсрочке призыва. У ворот полицейского управления ее встретили полицейские и не пускали во двор. Видя, что толпа все увеличивается, полицейские вошли в управление и оттуда вышли во главе с исполняющим обязанности полициймейстера Мочаловым ³⁾. Тот, пуская площадную брань по адресу сартов и находящихся среди них сартских женщин, приказал им немедленно удалиться и тут же приказал стрелять в толпу. Раздались выстрелы, одна женщина, обратившаяся к Мочалову) со словами: зачем убиваете невинных молодых людей, лучше убейте меня, была тут же убита. Затем было еще несколько выстрелов, в результате—свыше десяти убитых, много раненых. В кишлаке Ганджирован ⁴⁾ Кокандского уезда, волостной старшина навлек на себя подозрение в том, что за деньги некоторых туземцев не внес в списки. Туземцы потребовали прочесть составленные уже списки. Волостной управитель сообщил об этом начальнику уезда ст. советнику Мединскому. Последний распорядился прислать с приставом 2-й части г. Коканда вооруженных солдат, и туземцы, находившиеся во дворе волостного правления, были все связаны, положены на арбы, и таким образом их везли по улицам города. По дороге попадавшихся туземцев били нещадно. Туземцы бежали в разные стороны, было много пострадавших, все лавки позакрывались, были вызваны еще кызаки и затем на базарную площадь прибыл Кокандский уездный начальник, статский советник Медин-

¹ Пропуски в подлиннике.

² В подлиннике: Масолов. Описываемое событие произошло не 10, а 11 июля.

³ В подлиннике: Кемчарабан.

ский (?)"). Обращаясь к терроризованной толпе, сказал им: имете ли вы понятие о котлете, рубленном мясе. Если будете вести себя беспокойно, всех вас превращу в котлету. Управитель Араванской (?) волости, Кокандского уезда, получив распоряжение о производстве набора, приступил 9 июля к составлению списков мужчин соответствующих возрастов. Обратив внимание на пропуски, которые туземцы объясняли как следствие подкупа и взяток и стали требовать, чтобы им были прочитаны эти списки, в ответ на это слышались бранные слова и при этом волостной управитель, указывая на некоторых из толпы, говорил: вот этот годится в солдаты, одной или двумя пулями его, пожалуй, не уложишь. Эти слова волостного управителя дали повод думать, что туземцев берут в солдаты. Этот слух быстро распространился по кишлаку, и толпы туземцев направились к волостному управителю просить не кривить душой и показать им уже составленные списки. Волостной управитель дал им другую бумагу, обман обнаружился, и на другое утро снова пришли к волостному управителю, требуя списков и угрожая жалобой уездному начальнику ...¹⁾ встретила толпа бранными словами; вышедший затем волостной управитель стал кричать и тут же выстрелом из револьвера убил туземца, который кричал, указывая на несправедливость его при составлении списков, тогда толпа набросилась на волостного управителя и убила его, также были убиты рассыльный и писарь, которые вместе с управителем тоже ругали и угрожали револьвером, и вся толпа, приблизительно в триста человек, была арестована. Как ни грустны эти факты, но они бледнеют перед той кровавой историей, которая разыгралась с призывом на работы в городе Джизаке и его уезде Самаркандской области. Возможность откупиться от призыва путем поставки вместо себя другого породила массу недоразумений между имущими и неимущими классами населения; именно здесь нужно искать первую вспышку того, что потом кровавым потоком разошлось по всему Джизакскому уезду, и, как передавали жители разрушенного Джизака, что откупившиеся богачи говорили беднякам, вынужденным оставить свои семьи и идти на фронт действующей армии, что в то время, когда бедняки будут расплачиваться своей кровью и своей жизнью, богачи откупятся лишь деньгами. В мозгу туземцев зародилась мысль, что начальство на стороне богатых людей и поэтому всякий, кто имел над ними хотя какую-нибудь власть, кто имел отношение к делу набора рабочих, будь то русская власть, будь то русский или мусульманин, в их глазах являлись виновником того, что они должны отправляться на работы в район действующей армии. В воздухе висела угроза расправиться с работодателями и богачами и теми, кто их поддерживал, т. е. с начальством. Распространились слухи, что они по закону свободны от

¹⁾ Вопросительные знаки в подлиннике, Собственным именем записаны предельно.

²⁾ Пропуск в подлиннике.

отбывания воинской повинности и могут отказаться идти на работу, если не будут взяты вместе с ними и богачи, и что, если не хотят их слушать, то в этом виновата местная власть, прикрывающая богатых в своих корыстных интересах. Это показалось слишком убедительным, и толпа на окраине города убила волостного управителя туземца, нежелавшего немедленно представить список, правильность которого возбуждала у населения не лишнее основания сомнение. После этого 13 июня 1916 года был убит начальник Джизакского уезда полковник Рукин, полицейский пристав Зотоглов¹⁾ со своим спутником, выехавшие на место убийства волостного управителя. Сознание отступило на задний план, то здесь, то там убиваются ни в чем неповинные люди. Когда весть о Джизакской истории дошла до Ташкента, была снаряжена карательная экспедиция во главе с полковником Ивановым; через несколько времени полковника Иванова сменил полковник Красноярецев, который приказом от 3 августа, уже под угрозой беспощадного изгнания из г. Джизака и окрестностей кишлаков и садов, требует выдачи всех участников и подстрекателей к бунту. По истечении трехдневного срока населению Джизака приказано было выйти на площадь и пред выстроенными рядами солдат от него потребовали немедленно указать виновников происшедшего события. Была ужасная картина, — говорит местный священник, от. Морозов. Вид вооруженных солдат, готовых по первому приказу начальника карательного отряда Красноярцева расстрелять всех, внушал джизакцам неопикуемый страх. Виновники должны были во чтобы то ни стало найтись именно среди этих несчастных; промедление в выдаче виновных грозило пролитием крови многих сотен, а может быть и тысяч жизней, плач и стон оглашали небо, и несчастные джизакцы, так неожиданно, непонятным образом очутившиеся в положении каких-то изменников, должны были принести в жертву несколько, может быть ни в чем неповинных, жизней. С закрытыми глазами они стали выталкивать из своей среды то того то другого. Некоторые из таких выдаваемых падали на колени и клялись в своей непричастности к эксцессам, умоляли оставить их. Виновные таким образом были выданы и их увели в тюрьму, а населению предложили оставить город, который должен быть предан разрушению. Развалины туземного города Джизака, который насчитывал около 20.000 населения, сами говорят за себя. Ни одного целого здания, только мечеть, стоявшая на краю города, случайно избежала разрушения. Два пушечных снаряда пробили ее минарет. Город соавнен с землею. Город был предан перед разрушением разграблению. Карательная экспедиция заходила далеко в глубь Джизакского уезда и она не разбирала, кто причастен, кто нет, и расправлялась со всеми теми, кто носил туземный халат. Загнанные в соседний город²⁾ джизакцы в течение 2—3 недель не смели показываться на открытом месте: за ними охотились, как за

¹⁾ В подлиннике: Затоглов.

²⁾ Так в подлиннике. Вероятно — горн.

зайцами и попадавшимися на глаза оцепившему город карательному отряду грозила неминуемая смерть. Так погибли многие, мучимые голодом, оставившие свои горные убежища. Жители окрестных кишлаков с ужасом передают картину виденных ими убийств. Женщины и дети прятались в реках, ямах, прикрывались травой и листьями деревьев, ибо карательная экспедиция не щадила их. Нет возможности передать, что представлял из себя Джизак и окрестные кишлаки. Указанные нами события — прямой результат краевой политики и отсутствия со стороны краевой организации разумных мер. Высшая администрация успокоилась на определении числа подлежащих набору рабочих от каждого города и на требовании немедленного составления списка привлекаемых на работу. Низшая администрация увидела в этом богатейший источник для поборов и взяток. С одной стороны, состоятельные лица оказывались зачастую не внесенными в списки, с другой стороны, этапы¹⁾ многих подгонялись под требования инструкции. Отсутствие метрических записей у туземцев давало администрации полную возможность определять по своему усмотрению возраст того или другого лица. Ловкие люди начали ловить рыбу в мутной воде краевых неурядиц. Население требовало внесения в списки лиц соответствующих возрастов и исправления неправильностей в определении возраста. Когда в тех или других случаях население грозило обращаться с жалобами к начальству, это истолковывалось в смысле противодействия, и в результате возмущение против областных²⁾ управителей, закончившееся убийствами. Во всех этих случаях высшая администрация сейчас же принимала сторону низшей, и справедливые жалобы населения не только оставались без уважения, напротив — вызывали крайне репрессивные меры. Право ли было население в своем протесте и раздражении, можно судить хотя бы из следующих примеров. Остановимся на способе исчисления нужного количества рабочих по городам. Исчисление делалось по числу номеров окладного листа, т. е. по количеству дворов в каждом городе, затем в каждом квартале независимо от числа жителей в них. Это обстоятельство часто создавало прямо-таки невыносимое положение, выхода из которого не мог найти никто. Случалось, что требуемое количество рабочих с квартала превосходило число лиц мужского пола в возрасте от 19 до 43 лет. Например, в квартале Кур . . .) в Самарканде всего 100 дворов, требовалось рабочих 90. Мужчин в возрасте от 19 до 43 было 30. Далее бывали случаи, когда одно и то же лицо, владелец нескольких домов в городе или в разных городах, должен был согласно вышеприведенному распределению выставить несколько рабочих. В списки домовладельцев попадали и бездетные женщины и вдовы; туземная низшая администрация аккуратно вносила все дома в списки и требовала выставлять рабочих; введенные откупа, т. е. замена себя другими лицами путем найма по взаимному соглашению, еще более

¹⁾ Так в подлиннике.

²⁾ Так в подлиннике. Очевидно — волостным.

вносило беспорядок. В результате открытой спекуляции рабочими цены были взвинчены до крайности: те, которые раньше соглашались идти за кого-нибудь за 75—100 руб., теперь стали требовать 200—300 рублей. Бывали случаи, что и за деньги не находили рабочих, их просто не хватало. Бюджетные вдовам, все имущество которых состояло из жалкого двора, вынуждались продавать эо двор, чтобы выполнить рабочую повинность. В Ташкенте, Самарканде, Андижане можно было видеть женщин, которые падали ниц, со слезами на глазах умоляя довести до сведения белого царя о безвыходном их положении. „Мы знаем, нас здесь обманывают, ибо царь никогда не издаст такого повеления, чтобы мы так страдали“, и в то же время в рабочие записывали больных, разбитых параличем, ссылаясь на то, что потом доктор разберет. Только при помощи денег такой больной мог спокойно доживать остаток своей жизни. Деньги должны были платить не только те, которые нанимали вместо себя другого, но и те, кому это и не надо было. Дворовладельцы, которые фактически не выставляли рабочих, должны были платить тем семьям, из которых уходили рабочие. Например, на население Мархамат, той же волости, Скобелевского уезда, по разверстке пришлось 90 рабочих. Дворовладельцы, фактически не выставляющие рабочих, должны были давать этим 90 рабочих по 100 рублей на первое обзаведение и по 100 рублей сехье каждого рабочего в течение 3—6 месяцев. Так же было в селении Наймай. Таким же образом в Кулийской волости собрано было 12.000 рублей, в селе Асафи той же волости—74.000 рублей. Эти денежные сборы заставляли постоянно прибегать к закладу всего, что у них имеется, отражаясь самым разорительным образом на их хозяйственном благополучии. Таким образом, выходило, что вследствие отсутствия подробных правил о порядке набора рабочих население отбывало двойную повинность: рабочую и денежную. Однако, отдавая деньги, население не было уверено, что они будут находиться в целости и употреблены полностью по назначению. Необходимо отметить, что нанятыми за деньги оказывались кэшгарцы, китайские подданные и к... к... ¹⁾ бухарские подданные. Администрация их записывала без надлежащей проверки документов, удостоверяющих их личность. Констатируя возбужденное состояние туземного населения, высшая краевая власть до приезда Куропаткина сгущала атмосферу края самыми изнурительными мероприятиями из цикла „тащить, не пущать и гнуть в бараний рог“. При первых возбуждениях среди населения туркестанские власти издают распоряжения, которыми всем туземцам запрещается ездить по железной дороге без особого разрешения администрации. Каждый раз, когда кому-либо из туземцев необходимо по личным, семейным или торговым делам проехать несколько верст по железной дороге, он должен испрашивать особое разрешение. Одно такое мероприятие в состоянии самого смиренного человека при-

¹ Так в подлиннике. Вероятно—кара-киргизы.

вести в ярость. Что это за власть, которая каждого туземца готова заподозрить в самых преступных замыслах и на основании этого лишить основного, необходимого права для мирной жизни, права свободного передвижения, и росчерком пера многолюдный край с кипучей промышленностью в городах обращает в сплошную тюрьму. Но этого мало. В этой тюрьме каждого русского человека делают тюремщиком и владыкой, если не над жизнью, то над кошельком туземца. Был издан приказ об обязательном приветствии офицеров и чиновников всех ведомств и всех рангов в таванием и поклонами. Вдумайтесь, г. г., только в смысл этого приказа. Какое унижение человеческого достоинства даже для нашей русской действительности, где личность обывателя не ограждена от произвола и насилия полицейских властей. Этим приказом думали поднять престиж русской власти. Но этот престиж они втоптали в грязь и имя русского чиновника обратили в угнетателя и поработителя. Вот какую услугу этому краю оказала русская бюрократия. Я не буду подробно останавливаться на том, какие последствия имели бы в жизни края указанные мною распоряжения, если бы их не отменил новый Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин. Скажу лишь, что приказ об обязательном приветствовании служил во многих городах и поселениях Туркестана поводом к крайне возмутительным сценам насилий и издевательств над туземным населением. Этот приказ стал грозным оружием в руках всех чиновников, которые сразу оказались облеченными правительственной властью, и давал им возможность и право подвергать туземцев за непочтение и ослушание распоряжению власти наказаниям, никогда не предусмотренным, побоям. Наказания эти снимались за определенную сумму, смотря по общественному положению провинившегося. Некоторые чиновники и сами искали случая, как бы напомянуть туземцам об их новых обязанностях. Можно было наблюдать картину, как почтенный туземец, глубокий старик, силится скорее слезть с лошади, чтобы, скрестивши руки на груди, приветствовать какого-нибудь канцелярского чиновника с кокардой и ведомственными пуговицами. Многие интеллигентные туземцы, не желая подвергаться унижениям, избегали выходить на улицу и целые дни принуждены были просиживать дома. Сарта били за то, что он не заметил ехавшего сзади полицмейстера, не свернул с дороги, не слез с лошади и не поклонился ему; били его за то, что он, занятый отпуском товаров покупателю, не вышел из-за прилавка и не поклонился проходившему в то время по другой стороне улицы чиновнику. Нужно ли говорить и распространяться о том, что полицейские чины ходили по базару, искали встреч с состоятельными туземцами, устраивая своего рода облавы. Многих трудов и сил материальных стоило туземцу получить разрешение на проезд по железным дорогам края, и все-таки он, заручившись разрешением администрации, не был уверен, что поедет в нужное ему время. Бывали случаи, когда туземец, даже с железнодорожным билетом, попадал вместо вагона в арестный дом, ибо второпях не поклонился какому-то ра-

тивому чиновнику. Беспремерные административные (не слышно) сейчас же по приезде генерал-губернатора Куропаткина в Туркестане могут служить яркой иллюстрацией вакханалии хищничества, злоупотреблений, насилий, поборов краевой администрации. В течение нескольких недель Куропаткин уволил десятки должностных лиц, начиная с мелких административных сошек до губернатора включительно. В Сыр-Дарьинской области он уволил губернатора, Галкина, ...), губернатора Гиппиуса, полицеймейстера русской части Ташкента Кочана, туземной части Колесникова, начальника Кокандского уезда Мединского. Из четверых приставов Коканда уволено три, полицеймейстер г. Коканда Игнатюс, полицейский пристав Самарканда Алексеев, начальник Кокандского уезда...¹⁾ К...) Ферганского уц., пристав С...) и т. д. и т. д. Мы далеко не обольщаемся миссией генерал-губернатора Куропаткина в Туркестане, мы не думаем, что указанная нами чистка администрации была бы результатом особой симпатии Куропаткина к туземцам в Туркестане или возвещала бы какую-нибудь новую эру в жизни этого злополучного края. Мы думаем, что это просто акт элементарной справедливости. Куропаткин так же высоко держит знамя престижа русской власти края, как его предшественник. Во имя этого престижа Куропаткин не остановился перед принятием мер, нарушающих ту же справедливость, которую он обнаружил в деле чистки краевой администрации. Куропаткин, в видах возмездия за убийство русских людей приказал, кроме той кары, которую виновные понесут по суду, конфисковать те земли, где пролита русская кровь. При этом туземцам, проживающим на этих землях, разрешено убрать свой посев и взять другое имущество, оставив неприкосновенными насаждения. Конечно, несчастным жителям, подвергнутым ужасам карательной экспедиции взять нечего — хлеба, посевы, имущество разграблены, уничтожены. Теперь же они лишаются последнего права на землю. Не странно ли, русская краевая власть в момент великой войны занимается экспроприацией имущества своих собственных граждан. Какая ирония — для власти оказывается недостаточным ни действие карательной экспедиции, ни работа военных судов: ей нужно для поддержания своего престижа прибегнуть к экстраординарным мерам — провозглашать принцип конфискации земель, где пролита русская кровь. И вот власть, в лице своего наиболее справедливого и благожелательного представителя, не считает нужным задуматься над тем, не падает ли суровая экспроприация земли на долю всех, кто ни в коем случае не причастен, кто только имел несчастье жить вблизи тех мест, где разыгрались кровавые события. Так, жители селения и дачи З...²⁾, где конфисковано 40¹⁾ десятин земли, 29 августа сего года обратился к Туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину предписать произвести дознание и когда будет выяснено, как не причастны жители З...²⁾ к тяжелым пре-

¹⁾ Пропуски в подлиннике.

²⁾ Так в подлиннике: вероятно — Зазми.

ступям событий, так и в немедленном выполнении ими требований власти, приказом освободить их от наложенной на них кары. Вот все, г. г., что мы считали нужным сказать Вам о Туркестане. Теперь я позволю себе изложить перед вами события происходившие в Степных областях. И здесь такая необычная мера, как призыв на работу сразу 25 возрастов, не могла не вызвать среди киргиз Степного края волнений. И здесь местная администрация, как бы с умыслом, принимала шаги, которые не могли водворить спокойствие, но наоборот. Прежде всего призыв начинается проводиться в жизнь с чрезвычайной поспешностью: в К...¹⁾ высочайшее повеление, объявлено 6 июля; в тот же день губернатор предписал всем крестьянским начальникам немедленно приступить к осуществлению высочайшего повеления. Этими крестьянскими начальниками первым днем приема для всего уезда было назначено 15 июля. Крестьянский начальник первого участка Уральской области для представления списков назначил три дня срока. Эта поспешность сопровождается полной неизвестностью, как будет производиться набор, какими правилами будут руководствоваться лица, призванные проводить высочайшее повеление в жизнь. Отсутствие ясно выработанных правил значило для встревоженных киргиз, что судьба их будет зависеть от усмотрения нижних чинов администрации; а как усмотрение последних могло бы отразиться на них, с этим киргизы были очень хорошо знакомы в их повседневной жизни. В это же время попытка высчитать некоторые вопросы, связанные с призывом, не увенчалась успехом. Местная власть не давала удовлетворительных объяснений; некоторые, как крестьянский начальник 1-го участка Кустанайского уезда Начаров, просто не принимали представителей киргиз, гнали их вой палками, а большинство сами не знали. Население естественно начало волноваться, и на севере всплыли те же самые репрессивные меры, как в Туркестанском крае. Например, киргизы, собравшиеся 15 июля в Кустанай узнать, какие новые распоряжения последовали по призыву, были арестованы по телеграфному распоряжению губернатора; 18 июля они все были подвергнуты медицинскому освидетельствованию и, независимо от возраста, многие из них взяты на работы. В то же время шла недопустимая вакханалия злоупотреблений со списками. Отсутствие метриков, по которым можно было определенно установить возраст призываемых, давало местной власти полный простор действий. Представители последних воспользовались этим случаем не только для сведения личных счетов, но главным образом и для пополнения своего кармана. В некоторых случаях безответственная торговля списками переполняла чашу терпения народа, в результате — самосуд. Вот та почва, на которой произошли эксцессы, имевшие место в Степных областях. Злоупотребления туземных должностных лиц сопровождалось полным административным произволом их ближайшего русского начальства. Поразительную картину злоупотреблений и хищничества

¹⁾ Так в подлиннике.

рисует поданная мусульманской фракции от 29 ноября 1916 г. записка киргиза из внутренней киргизской орды Астраханской губернии. Я не буду утомлять вашего внимания приведением полностью этой записки, сообщу лишь кратко ее содержание. В записке этой говорится о тех безобразиях, которые творили уполномоченные по набору киргиз Талапской и Камыш-Самарской части Астраханской губернии Аракчеев, правитель Камыш-Самарской Карабай, врач Тихомиров, учитель Карабаев, волостной старшина № 6 волости Талапской части Хараджан. Лучшая часть многочисленной киргизской интеллигенции, стремившаяся к борьбе с беззаконием и взяточничеством со стороны некоторых уполномоченных, была загибана и многие подвергнуты аресту. Средством для незаконного получения денег служила власть Аракчеева, пользующегося советами учителя Карабаева и медицинскими познаниями врача Тихомирова, установившего даже таксу за освобождение, от 500 до 1000 р. Идя навстречу требованиям своего народа, некоторые аксакалы возбуждали ходатайства перед представителями власти о принятии мер, соответствующих условиям их быта. Эти ходатайства в большинстве случаев встречали оценку отрицательную, а сами ходатай подвергались административным взысканиям, арестам и ссылкам.

Председательствующий. Заседание Государственной Думы должно было закончиться в 11 час. Может быть, Государственная Дума разрешит оратору закончить свою речь, ему осталось четверть часа. (Голоса: просим, просим.)

Джафаров. Член Государственной Думы 1-го созыва Колыманов был выслан из пределов Астраханской губернии по распоряжению губернатора за то, что 8 июля в Ханской ставке, поднося хлеб-соль Астраханскому губернатору, просил от имени киргизов предоставить им разные льготы, вытекаемые бытовыми условиями их жизни. 22 июля все собравшиеся стары и почетные киргизы 8 волостей представлялись Тургайскому губернатору и подали прошение, в котором объясняли волнения в степи не противодействием повелению, а единственно непониманием смысла акта. Они просили повергнуть на благоусмотрение государя императора их нижеследующее ходатайство об отсрочке до уборки хлеба и сена, об оставлении по одному рабочему на семью, об исправлении списков самим обществом, о правильной постановке медицинского освидетельствования. В ответ на это, Тургайский губернатор им и ответил: вы вздумали бунтовать, смотрите—женщин, детей, стариков и ста-ух—всех истреблю, никого не оставлю. Во исполнение своей угрозы Тургайский губернатор послал в разные районы степи карательные отряды. По примеру Тургайского губернатора были посланы и в другие области Степного края карательные отряды. Образцом походов этих карательных экспедиций может служить следующая корреспонденция, посланная в одну из столичных газет, так и не увидевшая света: „Прислушайтесь к настоящей корреспонденции событий, которые действительно имели ме-

сто и доведены как телеграфно, так и по почте до сведения Семипалатинского губернатора, теперь же, просим редакцию напечатать. Мы, киргизы, желаем, чтобы то неслыханное зло, которое совершено над нами, стало достоянием всей России и тем было обращено внимание на наше положение. При объявлении призыва о привлечении киргиз реквизиционным порядком к работам в районах военных действий население, не понимая в чем дело, сначала в панике бежало, а потом, рассудив создавшееся положение, решило подчиниться и дать рабочих. Но несмотря на это, за побег киргиз в наш второй участок Зайсанского уезда, Семиреченской области, был отправлен карательный отряд . . . . (не слышно) Зайсанский уездный начальник Кублицкий, пристав первого стана Болдышев, казачий офицер Красноперов. Киргизы узнав об этом, были обеспокоены, но большинство в уверенности, что во главе отряда находятся интеллигентные лица, которые, увидев покорное население, не допустят насилий и разгрома. Отряд был встречен, как говорится, хлебом и солью, все его требования моментально исполнялись, но несмотря на все это пошли такие карательные действия, что дни пребывания их кажутся нам кошмарным сном. Во главе экспедиции был становой пристав Болдышев; теперь детей в степи пугают Болдышевым и при его имени унимается плач. Под руководством и командой Болдышева казаки избивали киргизов, отнимали деньги, одежду, лошадей, кошмы, подушки, одеяла, изнасиловали женщин. Далее благодаря его, Болдышева, воздействию было в ход пущено огнестрельное оружие и, по сведениям, убито более 10 киргизов, а по словам Болдышева убито более 50 душ. Исчезло понятие о собственности и праве, казаки брали все, что им было угодно. Киргизы конечно давали—мы были рады и тому, что оставались живыми. Разграбленные вещи казаки продавали в К . . . . ¹⁾ и другие места. Какие вещи и какими лицами куплены указано в прошении, поданном губернатору. Наконец, экспедицией было арестовано весьма много лиц, совершенно невинных, многие из которых потом были выпущены следователем и товарищем прокурора. В итоге был полный разгром киргизов Кара-Буганской, Басарской, Карымской, Лавинской и других волостей, так что оставшиеся киргизы этих волостей, не будучи в состоянии более переносить все это, бросая имущество, скот, родную степь, с плачем и воем бегут на верную гибель, чтобы быть подальше от современного Атиллы. Картина бедствий киргизов была потрясающей. Мужья бросали жен и детей, дети родителей, даже были случаи, когда родители бросали малолетних ребят своих. Мы остановили, г. г. члены Государственной Думы, ваше внимание на тех событиях, которые произошли в Степных областях и в Туркестанском крае. Теперь я позволю себе в нескольких словах остановить ваше внимание на том, в каком положении находятся призванные, находящиеся в районе военных действий, рабочие. К нам обра-

¹ Так в подлиннике.

щаются с массой писем и лично являющиеся на работах киргизов и сарты. Я позволю себе привести маленькую выдержку из одного письма, направленного на имя мусульманской фракции. „Ко взятым на работах¹⁾ киргизам применяется строгий тюремный режим. Не допускают к ним родственников для свидания. Разговаривать приходится через щели ворот. За передачу пищи стоящие у ворот солдаты берут деньги. Нет никакой возможности описать и передать всех деяний прапорщика Елизарова, очевидно, начальника партии рабочих. За самые малые провинности он бьет пагайками. Побой солдат не прекращаются при отправлении рабочими своих естественных нужд. Около 23 ноября 6 рабочих, отпросившихся у старшего Бронникова, пошли домой ночевать. На другой день утром все они были наказаны розгами, и крики побиваемых были слышны на улице. Мы боимся назвать этих шесть несчастных, но при расследовании это будет подтверждено. Нужно было заменить этого начальника и на его место назначить более мягкого человека. Итти на работу мы готовы, но лишь бы освобождены от побоев. Слухи об этих побоях очень пугают киргизов. Двое киргизов рабочих, не будучи в состоянии выносить далее эти побои, подкупив приставленную стражу, убежали и обратно не вернулись. Слезно молим вас: освободите нас от побоев прапорщика. Нами послано письмо к депутату Дзюбинскому.“ Другое письмо гласит следующее: „По прибытии на место работ, рабочие были разделены на две партии, по 500 человек в каждой, и во главе каждой партии поставлен начальник из прапорщиков. Рабочие находятся постоянно под присмотром конвойных, которые сопровождают их на работы и не оставляют их в часы отдыха. По доставленным сведениям, санитарные условия жизни рабочих невыносимы. Рабочие сильно страдают от сырости, работать приходится стоя в воде. Непривычные к суровому климату, жители Туркестана страдают в сильной степени ревматизмом, у многих рабочих появилась грыжа. Сыро и в бараках. За недостатком медицинской помощи больные рабочие остаются в бараках в течение нескольких дней без всякого присмотра. Жалобы рабочих на болезни и усталость вызывают со стороны начальника партии брань и даже в нередких случаях и побои. Особенно отличается своим рвением начальник 102 партии. Начальник партии без всякой видимой причины подвергает рабочих побоям, угрожая расстрелом. Одним из видов наказания является карцер, куда сажают на 2—3 суток на хлеб и на воду. Существует также система штрафов. Помимо взыскания за провинности, вычитывают с рабочих за сломанный топор 13 р. 50 коп., за сломанную пилу—19 р. 50 коп., и в результате подобных вычетов, из платы в 30 рублей в месяц заработок некоторых рабочих выражается в весьма мизерной сумме. Заканчивая свою речь, я должен еще раз подчеркнуть, что незакономерно изданный акт о призыве иногородцев на окопные работы был проведен в жизнь с целым рядом правонарушений как высших властей, так и низших, сопровождался целым рядом насилий над туземным населением, вел к расхище-

¹⁾ Так в подлиннике.

